

УДК 343(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-35-51

Сыск и наказания «воров» и «разбойников» в правовой культуре периода царствования Елизаветы Петровны

Ирина М. Чирскова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, im-chir@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа законодательных источников Российской империи середины XVIII в. рассматриваются важные аспекты формирования правовой культуры в годы правления императрицы Елизаветы Петровны. Это выражалось во введении специальных государственных мер, направленных на сыск и наказания за грабежи и разбой, расхищение казны, нанесение урона торговле и средствам сообщения. В период царствования Елизаветы Петровны сложилась система государственных мер по борьбе с «ворами» и «разбойниками» и заметно возросла ответственность властей на местах за сыск и поимку «злодеев». Поскольку императрица отменила смертную казнь, особое значение в системе государственного законодательства приобрел применявшийся и ранее концепт «политическая смерть». Новые законодательные меры были направлены на повышение статуса представителей власти – сыщиков, легитимность процедуры следствия, ужесточение наказаний за нарушение общественного порядка, экономию государственных средств. Однако, как показывают документы, в годы царствования Елизаветы Петровны государственная власть так и не смогла добиться существенных результатов в этой области, о чем свидетельствует повторяемость императорских указов и констатация в них новых нарушений.

Ключевые слова: законодательство, правовая культура, «политическая смерть», сыщик, инструкция, донос, наказание

Для цитирования: Чирскова И.М. Сыск и наказания «воров» и «разбойников» в правовой культуре периода царствования Елизаветы Петровны // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 8. С. 35–51. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-35-51

© Чирскова И.М., 2020

Search and punishment of “thieves” and “robbers” in the legal culture of the period of the reign of Elizabeth Petrovna

Irina M. Chirskova

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, im-chir@yandex.ru*

Abstract. Based on the analysis of the legislative sources of the Russian Empire in the middle of the 18th century, the article examines important aspects of the formation of legal culture during the reign of Empress Elizabeth Petrovna. This was expressed in the introduction of special state measures aimed at detecting and punishing robbery, plundering the treasury, causing damage to trade and means of communication. During the reign of Elizabeth Petrovna, a system of state measures to combat “thieves” and “robbers” took shape, and the responsibility of local authorities for the search and capture of “villains” significantly increased. Since the empress abolished the death penalty, the concept of “political death”, which had been used earlier, acquired special significance in the system of state legislation. New legislative measures were aimed at raising the status of government representatives – detectives, the legitimacy of the investigation procedure, toughening penalties for violation of public order, and saving public funds. However, as the documents show, during the reign of Elizabeth Petrovna, the state power was never able to achieve significant results in this area, as evidenced by the recurrence of imperial decrees and the ascertaining of new violations in them.

Keywords: legislation, legal culture, “political death”, detective, instruction, denunciation, punishment

For citation: Chirskova, I.M. (2020), “Search and punishment of ‘thieves’ and ‘robbers’ in the legal culture of the period of the reign of Elizabeth Petrovna”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 35–51, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-35-51

Императрица Елизавета Петровна, опираясь на законодательные акты предшественников, стремилась усовершенствовать процедуры сыска, следствия и наказания «воров» и «разбойников» [Анисимов 2019]. Несмотря на то что императрица чуралась смертной казни, другие формы наказаний осуществлялись с завидной регулярностью. В новых государственных указах не только повторялись карательные меры, применявшиеся ранее, но и подробно оговаривались суровые наказания воров и разбойников, лиц, им помогавших, представителей администрации и нерадивых следо-

вателей. В них отразилась озабоченность российской верховной власти действиями воров и разбойников, разлагавшими традиционные общественные устои. Набеги и бесчинства воровских шаек наносили государству и подданным огромный материальный урон, похищалась казна, уничтожалось имущество, гибли люди, нарушалась работа органов власти на местах, урон несли торговля, почтовая связь, средства сообщения.

В конце лета 1744 г. в низовых городах по Оке до Казани разбойничьи компании «умножились» и доходили до 50 и более человек. Они разбивали «по реке суда» и деревни, «людей мучительно» жгли и били. Упрекая губернаторов и воевод, императрица ссылалась на свидетельство возглавлявшего китайский караван из Москвы в Сибирь асессора Либратовского. Он сообщал про нападения «многия», от которых спасались только оружием, о поимке «воровского атамана», о более 50 «разбитых и пограбленных» судах и «многое число» раненных на них. Императрица повелела Сенату «немедленно определить сыщиков добрых», «накрепко исследовать» причины бездействия властей и донести ей¹. Вышедший через несколько дней указ констатировал, что вопреки законам² в некоторых местах, особенно по Волге и Оке, впадающим в них рекам и по обе стороны от них «по большим дорогам и другим лежащим трактам», постоянно появлялись разбойники и злодеи. В губернии были направлены нарочные с принадлежащими командами, сыщики с инструкциями. Особо опасны были «низовые городки по Оке и Волге до Казани, и от Казани Волгою до Астрахани, и по Каме». В них командам предписали разделиться: «пехотным ездить водою», а конным – сухим путем. Офицеры обязывались срочно расследовать действия прежних сыщиков, допустивших «ко умножению» злодеев, и сведения подать в Сенат. Императрица обратилась к ответственным лицам в губерниях и ведомствах и «всякого звания людям» с призывом «крайнейшее и наиприлежнейшее» старание прилагать к поимке и искоренению воров и разбойников. Узнавшие об их наличии и «также беглых солдат, драгун, матросов и рекрут», беглых же людей и крестьян обязывались доносить властям. Императрица напоминала, что по указу Петра II³ местные власти каждые полгода, «под страхом смертной казни» должны были подавать в вышестоящие инстанции «сказки» об отсутствии на подведомственных территориях воров, разбойников, беглых

¹ ПСЗ I. Т. XII. № 9020.

² Там же. Т. VII. № 4533 [ст. I, п. 11 «О искоренении воров и разбойников»]; Т. VIII. № 5335; № 5774.

³ Там же Т. VIII. № 5335.

и подтверждать свое «старание» в их искоренении. При неисполнении и «умножении» злодеев ответственные, «яко преступники указов, суждены и истязаны будут, без всякия пощады». Указ повелели читать в городах, на ярмарках «во всенародное известие при барабанном бое» и в церквах «в воскресные и праздничные дни» «в страхе другим» «неотменно»⁴. В тот же день появились две инструкции сыщикам. Во введении к первой повторялась преамбула указа от 28 августа⁵, констатировалось новое появление злодеев и в других местах. Императрица повелела «немедленно определить сыщиков добрых» с командами из штаб-офицеров ближних полевых полков, чтобы «злодейства не только пресечены, но и конечно искоренены были», и «накрепко исследовать» недостатки в работе «прежних сыщиков». Были подтверждены прежние правила сыска. Сыщики давали присягу, власти территорий обязывались срочно информировать о месте нахождения «воровских станиц».

При появлении «многолюдных» «воровских станиц», вступавших в бой, требовалось «напасть и их искоренять», стараться «живых получить», «особливо воровских атаманов». В помощь – брать из «жителей, к тому угодных людей», «обещать и давать» им награду. При поимке воров – осуществлять розыск, а также пытаться с целью выпросить о местах и предметах разбоя, убийства и «мучения», о местах укрытия и продажи «воровских пожитков». При выявлении необходимо было тотчас посылать и брать разбойников, следствие же проводить оперативно. Инструкция подтвердила указы 1726 и 1743 гг.⁶ и с 1744 г. запретила принимать на работы крестьян, относящихся к иным уездам, имеющих «письменными паспорта». Нарушителей, в том числе из «беглых», было приказано искать и отправлять «на прежние жилища». Тех, кто не имел «письменного свидетельства» и паспорта, инструкция определяла отмечать как «подозрительных», расследуя о них, но требовалось смотреть, чтобы кого безвинно не осудить на истязание. После сообщений о появлении «воров и разбойников многолюдственной станицы» в ряде вотчин, похищении «оброчных денег», «пожитков», убийстве крестьян власти распорядились о необходимости «скорейшей» их «поимки» и о том, как поступать с ними по инструкции. Необходимое для работы сыщиков бралось у губернаторов и воевод «без излишества», предусматривалась и помощь приказных служителей, но без ущерба и «остановки» в губернских делах. В Сенат же рапортовали каждые две недели. Для предотвращения «впредь

⁴ ПСЗ I. Т. XII. № 9025.

⁵ Там же. № 9020.

⁶ Там же. Т. VII. № 4827; Т. XI. № 8738.

каких жалоб» следствие приказали проводить вместе с местными властями. Там, где было «спокойно», сыщики должны были «не мешкать», чтобы жителям «тягости не произошло», но при отъезде следовало взять у властей «письменный за их руками реверс», что у них воров, разбойников и прочих нет. Следственной команде надлежало поступать «как честным и добрым офицерам», не допускать «своевольств» «под опасением, по воинскому суду, жестокого штрафа»⁷.

Вторая инструкция «для следствия о прежних сыщиках» требовала «под тяжким штрафом» взять «верные известия» о расследовании и поиске воров и разбойников. Если меры не были приняты или приняты, «упустя время», поиска не было и «злодеи» «не искоренены», ответственных приказывали допросить. «Под страхом лишения их чинов и обоих имений» предписывали «исследовать, не по страсти ли какой, то ими делано», а «экстракт» и «ведомость» о расходах на проезды и прогоны отправлять в Сенат. Следователи обязывались соблюдать инструкцию, офицерскую честь, не чиня «никаких обид», не затягивать дело «для своих прихотей», не отъезжать «в деревни свои под опасением военного суда»⁸.

В мае 1746 г. были подтверждены полномочия генерал-полицмейстера, данные Петром I, о любых «к его должности» дополнениях следовало доносить лично императрице. Сенат должен был «чинить всякое вспоможение» генерал-полицмейстеру, «повелительных указов» не посылать, только «для ведома». Если на его подчиненных в «обидах и взятках» были «челобитчики», жалобы следовало отсылать к генерал-полицмейстеру. Он же наделялся правом «всех правосудием довольствоваться, как указы повелевают». «Прошения» на генерал-полицмейстера приказали доносить лично императрице, «токмо самую истину без всякой страсти», поскольку он «во всем» лишь императрице ответ давать был должен⁹. В тот же день был подтвержден указ 1721 г.¹⁰ о пойманных в Петербурге, слободах и губернии ворах и разбойниках. Им «с оговорными» розыски и экзекуцию следовало «чинить при полиции», для чего учреждалась особая экспедиция. Город с уездом предписали не разделять, ибо «злодеи делами своими друг другу обязаны бывают». Командам в уездах приказали помогать полиции «без всякого отрицания и продолжения»¹¹.

⁷ ПСЗ I. Т. XII. № 9026.

⁸ Там же. № 9027.

⁹ Там же. № 9283.

¹⁰ Там же. Т. VI. № 3714.

¹¹ Там же. Т. XII. № 9284.

В ряду законов о воровстве особое место принадлежит указу о краже младенца. В феврале 1750 г. Сыскной приказ доносил Сенату о краже вдовой Марфой Архиповой у солдата Федора Окорочкова сына, младенца 18 недель. Ответчица показала, что сделала это по просьбе купца Осипа Андреева, денег за ребенка не брала, а только заняла у него «денег 40 копеек»; он же заявил, что лишь дал взаймы. После очной ставки Марфа, «с трех розысков и жжения огнем», повинилась, что младенца взяла тайно для похода из Москвы в Петербург, чтобы «от подаяния милостыни иметь пропитание». Недалеко от Твери «невем какие люди» забрали у нее ребенка. Призналась Марфа и в краже «душегрейки китайчетою на заячьем меху». Сыскной приказ «за первую татьбу» предложил наказать ее кнутом и освободить «на добрые поруки», при этом просил указания Сената, как впредь поступать при краже младенцев. Сенат же посчитал пункт Уложения, предложенный для наказания, неприемлемым, «ибо кражи младенцев за татьбу причесть невозможно», и постановил «учинить публичное наказание кнутом» и отослать ее «для вечной работы на фабрику», где «держат сковану» и употреблять «в самые тяжкие работы». Поскольку событие оказалось из разряда экстраординарных, было предложено, опираясь на указ 1722 г.¹², собрать чиновников от президентов до «майорского ранга» для обсуждения вопроса¹³.

Новые указы предписывали определенные правила и порядок социального поведения, фиксировали наиболее частые нарушения законов, регламентировали основы сложившейся, характерной для русской правовой культуры, системы наказаний. В них тщательно оговаривался алгоритм поведения сыщиков на местах, их ответственность за выполнение порученной миссии, карательные меры за нарушения. Елизаветинские указы требовали строгого соблюдения закона, ответственности должностных лиц, заботы о невинных и семьях колодников. Вместе с тем законодатели елизаветинского времени пытались понять причины малой эффективности принятых ранее указов, выявить недостатки в действиях прежних властей по реализации конкретных мероприятий, ускорить сыск виновных, повысить качество и сократить время следствия.

Елизавета отменила смертную казнь, сохранив многие традиционные и жестокие методы «дознания» [Марасинова 2019]. В правление дочери Петра особое значение приобрел концепт «политическая смерть», применявшийся и ранее. Документы тщательно оговаривали, что считать смертью политической, а что – нака-

¹² ПСЗ I. Т. VI. № 3970.

¹³ Там же. Т. XIII. № 9706.

занием. При ней концепт «политическая смерть» приобрел особое значение, что неоднократно подтверждалось законами [Анисимов 2004; Марасинова 2014]. Так, в 1753 г. императрица повелела, «учиня экстракт», доложить, «за какие вины политическая смерть и какая именно по указам положена». Сенат сообщил, что на этот счет «точных указов» нет. Но по законам Петра I¹⁴ нарушителей государственных «прав и своей должности» приказано было «казнить смертию натуральною или политическою, по важности дела, и всего имения лишить». «Политическою смертию», по мнению Сената, следовало считать, «ежели кто положен будет на плаху, или взведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей», или подвергнут вечной ссылке «без всякого наказания». После рассмотрения в Главных командах и без «винным экзекуции» «обстоятельные и краткие экстракты» дел с приложением законодательного обоснования и мнением сыщика отправляли в Сенат. За «наказание, а не за политическую смерть», по мнению законодателей, «почиталось» битие виновных кнутом «с вырезанием ноздрей» и отправление «в ссылки вечно». Исполнялось оно губернаторами, а в провинциях и городах воеводами, без посылки «экстрактов» в Сенат. Сенат же просил подтверждающий указ, а императрица повелела: «быть по сему»¹⁵.

Указ появился в мае 1753 г. В нем повторялось определение «политическая смерть», порядок представления в Сенат «экстрактов». Напомнил он, что по указу Петра I¹⁶ жены и дети преступников могли жить в своих деревнях, пожелавшие же «идти замуж» получали свободу. На «пропитание» их и детей давалась «указная часть» имущества мужей. Сохранялись формулировки и перечислялись наказания, которые не считались «за политическую смерть» и производились на местах без отсылки «экстрактов» в Сенат¹⁷. В июне 1753 г. было вновь подтверждено, что «мужеска полу колодников», кроме Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерний, для «тяжкия работы» отсылать и в Рогервик, и «употреблять» их в казенные работы. Колодниц же, осужденных на смертную казнь, политическую смерть и вечную ссылку, предписали отправлять «в Сибирь на житье» и селить, чтобы «от них впредь худых поступков быть не могло»¹⁸. В сентябре 1754 г. вновь указали на необходимость рассмотрения дел «об осужденных

¹⁴ ПСЗ I. Т. VII. № 4343; № 4438; № 4460.

¹⁵ Там же. Т. XIII. № 10087.

¹⁶ Там же. Т. VI. № 3628.

¹⁷ Там же. Т. XIII. № 10101.

¹⁸ Там же. № 10113.

к смертной и политической казни», «по сущей справедливости», «дабы невинные осуждены не были». Определили порядок «апробации» подобных дел на местах. Согласно прежним документам¹⁹ Сенат указал находившимся в Главной полицейской канцелярии лицам, подлежащим натуральной и политической смерти, «смертной экзекуции до рассмотрения и точного об них указа не чинить». До окончательного приговора, во избежание побега и нового воровства, при посылке их в «тяжкую» работу в Рогервик повелели поступать с ними по указу 1753 г.²⁰

До окончательного решения определенным «к натуральной смертной казни» приказали, наказав кнутом и «вырезав ноздри, ставить на лбу В, а на щеках, на одной букву О, на другой Р». Осужденных же «на политическую смерть» закон предписал наказывать «кнутом с вырезанием ноздрей» и, «заклепав в кандалы, ссылатъ до указа в тяжкую работу» в Рогервик и другие места, а в Сенат прислать «краткие экстракты». Повторялась и формула, что считать «за наказание, а не за политическую смерть». При возникновении сомнений «подлинные дела» из провинций, городов следовало отсылать в губернские канцелярии, о чем информировались офицеры, занимавшиеся сыском²¹.

Подлежащих «натуральной или политической смерти», без «экзекуции», следовало держать под крепким караулом, скованных, чтобы «никто утечки учинить не мог», доносить в Сенат и ждать указа. Об «оговоренных», находившихся далеко, писали управителям тех мест, краденые «пожитки» описывали, выясняли хозяев. Если же они были не известны, имущество сыщики обязывались «в сохранении держать у себя до указа». Применялся дифференцированный подход к разным категориям виновных. Лиц духовного чина брали под караул и отправляли в духовное ведомство. Беглых драгун, солдат и матросов допрашивали, при необходимости пытали, а меру наказания определяли, как и прочим разбойникам. Не подлежащих смерти наказывали «по военному артикулу». Тех, кто явился добровольно, следовало направлять в Военную коллегия, не подвергая наказанию, чтобы получить с них публичное признание и присягу о несовершении подобного. Если беспорядки «чинились с ведома самих помещиков», с ними следовало поступать, как и с прочими. Помещикам, которые не знали о разбое собственных крестьян, полагалось наказание кнутом за неосторожность и «худое управление». По докладу генерал-полицейстера в марте 1755 г.

¹⁹ ПСЗ I. Т. XII. № 9283, 9284.

²⁰ Там же. Т. XIII. № 10113.

²¹ Там же. Т. XIV. № 10306.

императрица повелела содержавшимся в Полицейской канцелярии обвиненным «в мошенничестве» и уличенным «в покупке у них краденного» «в страх другим» и для пресечения впредь «учинить публичное наказание» и сослать в Оренбург²².

В 1756 г. «для лучшего и скорейшего сыска и искоренения воров и разбойников» императрица учредила «Главных сыщиков», а при них военные команды, прежние «сыские команды» там, где они оставались, также поступали в их ведение. Указ содержал подробнейшую инструкцию главному сыщику и форму его рапортов в Сенат «по третям года». Губернаторы и воеводы обязывались сообщать о «разбойнических станицах» и срочно «посылать команды служилых людей для сыска и искоренения» их. Местные власти – оказывать помощь и без потери времени вместе с населением принимать меры к поимке злодеев. Документ констатировал нарушения законов, дачу «непотребным людям пристани» и взятие на хранение наворованного. С такими повелели поступать «по указам без всякой пощады» и об этом «публиковать печатными указами» по всей империи. В преамбуле инструкции напомнили указ 1744 г.²³ и сообщили, что по Оке, Волге и Суре вновь появились «разбойническия вооруженныя станицы», грабившие суда, села и деревни. В Алатыре был «разбит» магистрат, «людей до смерти побии, денежную казну разграбили» и посланную для их поимки «команду разбили ж». Несмотря на задержания, «воровские станицы» не были «искоренены», «оговоренные многие» не сысканы. Даже около Москвы вновь появлялись разбойники. Закон обращался к главному сыщику, как к новому представителю власти, состоявшему «под особливым ведомством» Сената. При нем определялись офицеры, драгуны, солдаты и оставшиеся сыские команды. Инструкция требовала «при команде учинить присягу», поступать по «справедливости и никаких излишностей и приметов»²⁴ «не вымышлять». Задача главного сыщика состояла в том, чтобы воровы и разбойники «переловлены и искоренены были». Где их «число немалое», он должен был в срочном порядке привлекать местные власти, которые обязывались информировать и заботиться о поимке злодеев, привлекая «служилых», «уездных» людей и всех ответственных лиц тех мест. Пойманных «за крепким караулом» отсылали к сыщику или в канцелярию. Отказавшиеся участвовать в поимке разбойников подлежали наказанию.

²² ПСЗ I. Т. XIV. № 10380.

²³ Там же. Т. XII. № 9020.

²⁴ Приметы – взятки.

Наказания дифференцировались согласно статусу обвиненных. «Приказчикам, управителям» не из дворян, «старостам, выборным, сотским и десятским, и крестьянам» приказали «чинить наказания бить плетьюми», но «под опасением» штрафа наблюдать, чтобы «никто напрасно в такое оскорбление приведен не был». Дворяне и офицеры содержались «под караулом» или под «добрыми и надежными поруками, смотря по важности вины» до распоряжения Сената. При отправлениях главный сыщик для уведомления местных властей получал экземпляры указов по борьбе с разбойниками. Сыщик должен был требовать от властей территорий сведения о злодеях, выяснять, «не кроются ль где беглые драгуны, солдаты, матросы и рекруты», воров и разбойники, и стараться «о поимке и искоренении их». Укрывателей, «несмотря ни на какие персоны», – арестовывать и «изследовать накрепко». Военнослужащих, бывших «на разбое» или дававших пристанище, следовало немедленно «забирать». «Действительно» военных, «не пытая, отсылать на Военный суд», но до того держать «скованных за крепким караулом». При них полагались «перечневые о винах их выписки» за подписью сыщика. В местах прибытия с ними следовало «без всякого упущения» «поступать по указам» воинским регулам и рапортовать в Сенат. Дворяне, отставные офицеры и состоявшие в рангах не подвергались пытке. Выписки по их делам с мнением сыщиков, «нимало не мешкав», направлялись в Сенат, обвиняемые же до указа держались «под крепким караулом». «Духовного чина люди», уличенные в воровстве, по указу Петра I²⁵ под караулом отсылались в духовное ведомство, а по снятии «священства или монашества» подлежали розыску и пыткам, как прочие. Церковные причетники, без «чину священнического и монашеского», «розыскивались» как простые люди, «известия» о них подавались в духовное ведомство [пункт 3 инструкции]. Сыскным командам полагались ямские или обывательские подводы, но запрещалось брать их «с излишеством». Об издержках сообщалось в Сенат и Штатс-контору «по третям года». Для нужд, собственных и подчиненных, сыщик не мог брать подводы под угрозой «неотменного по указам взыскания» [пункт 4].

«Воровские партии» часто вступали в бой, поэтому надо было «стараться на оные напасть» в упреждающем порядке, «брать живых», особенно атаманов, для чего «посылать для проведывания» о них «способных людей» из местных жителей, за что «обещать и действительно давать» награду из «воровских пожитков» по петровскому указу²⁶ – 5 рублей за каждого. Там, где разбойники

²⁵ ПСЗ I. Т. VI. № 3761.

²⁶ Там же. Т. V. № 3445.

были «многолюдны», надлежало привлекать все возможные силы, брать людей «с огненным, где есть, и с студеным всяким ружьем» и «с поспешанием идти» на них. Если разбойники были и «на сухом пути и на воде», предлагали разделиться: «пехотным ездить водою, а конным сухим путем» [пункт 5]. По поимке следовало попытать, «где на разбоях были», что взяли, «какие смертныя убивства и мучения чинили», у кого укрывались, кому «пожитки» продавали, с кем знали и где другие «воровские станицы». Приказали за «оговоренными» сразу «посылать и брать», следствие же «наискорее» завершать, а при оговоре «дальних жителей» писать на места о немедленной присылке «к тому ж розыску». Для ареста «идущих водою на соляных и других всяких судах» посылать «пристойные команды», но судов «не останавливать и никакого задержания и приметов отнюдь не чинить» [пункт 6]. Арестованных приказали держать, «заковывая в крепкия кандалы», и ежедневно о состоянии «караула рапортовать». Сыщик должен был ежедневно же «колодников пересматривать и тюрьмы». При обнаружении инструментов или подкопов «к побегу» виновных «пытать». «Кормовые деньги» колодникам отпускались по указу 1720 г.²⁷, «по одной копейке на день каждому» [пункт 7].

О подлежащих «натуральной или политической смерти и в ссылки», кроме военнотружущих, дворян, отставных офицеров и состоявших «в рангах», по прежним указам²⁸ следовало «для подтверждения писать» главному сыщику, а не губернаторам. Ему же «чинить по Уложению и по указам» и присылать «экстракты в Сенат». Осужденных «в Рогервик и в ссылки» для отправки передавали в губернские провинциальные и городские канцелярии, с «реестрами имен их и вин» и «куда кто назначены», с подписью сыщика. Отправлять следовало с конвоем, не «ожидаясь больших партий», человек до 10. Сыщик обязан был следить, чтобы «злодеи утечек чинить не могли» [пункт 8]. Конфискованное имущество учитывалось и при выявлении владельцев возвращалось им «с расписками». При отсутствии хозяев «долговременно» имущество, хранившееся у сыщика, требовали «публиковать». Через полгода невостребованные «нетленные вещи» (золото, серебро, камни, жемчуг, серебряная, оловянная и медная посуда) подлежали отсылке в Монетную канцелярию с «описанием», чтобы при появлении хозяев, «деньги платить». «Тленные» – платье, меха и пр., «негодныя лошади» – продавались сыщиком «с публичного торга». «Годных в службу лошадей» отдавали в губернские провинциальные и вое-

²⁷ ПСЗ I. Т. VI. № 3685.

²⁸ Там же. Т. XIII. № 10101; № 10113; Т. XIV. № 10306.

водские канцелярии для представления Военной коллегии и отсылки по ее предписанию. Коллегия имела «особливую записку» с описанием и оценкой лошадей, чтобы, «ежели хозяева сыщутся», выдать им «деньги». Суммы «за продажныя лошади и тленные пожитки» заносились в книгу «за шнуром и печатью» и хранились в канцелярии сыщика на случай появления хозяев. Если через год они не являлись, средства отсылались в Штатс-контору [пункт 9].

Беглых драгун, солдат и матросов следовало допросить, где «приставали, и не были ль где на разбоях». «Подозрительных» пытати и поступать с ними по инструкции (пункты 6–8). Добровольно явившихся без наказания отправляли «за провожатыми» в Военную коллегия. До того они должны были «публично в том вину принести, и чтоб впредь не бегать, присягать». Если «пристань вора чинилась» и «на воровство и разбой ходили» с ведома господ, то с военнослужащими, дворянами, отставными офицерами и состоявшими в рангах следовало поступать по инструкции (пункт 3). Подлежавшие «натуральной и политической смерти и в ссылки» наказывались по 8 пункту. Если же «приказчики и старосты и выборные» не знали, что их крестьяне «на разбой ходили и разбойникам пристань чинили», их за «неосторожность и худое управление» подвергали жестокому битью «кнутом без всякой пощады». Еще в 1743 г.²⁹ запретили крестьян из других уездов без печатных паспортов принимать на работы, «как беглых ловить, и отсылать в их уезды». Инструкция предписала иметь их «за подозрительных и об них накрепко доведываться», при отсутствии «подлинного свидетельства» учинить розыск и вместе с теми, «у кого явятся воровские печатные паспорта», пытати. Но смотреть «накрепко», чтобы «безвинно и без всякого явного и подлинного подозрения кого ко истязанию напрасно не привесть». С работниками «на соляных и других судах и с подвозчиками» указали поступать по инструкции (пункт 6). Предупредили, чтобы «едушим по тракту с обозами и идущим из деревень к помещикам с письмами и отписками людям и крестьянам никаких приметов и остановок отнюдь не чинить».

Дабы в искоренении «злодеев помешательства и остановки» не было сыщикам и подчиненным, их «накрепко» запретили вмешиваться в дела по челобитным о вытах³⁰. Колодников же повелели «напрасно не держать», «приметов не чинить» под угрозой «неупустительнаго по указам штрафа». Жалование сыщику полагалось по его «рангу двутретное». При нем определялись секретарь,

²⁹ ПСЗ I. Т. XI. № 8738.

³⁰ Выть – частное вознаграждение за вред, причиненный преступлением.

два канцеляриста, четыре копииста, выдавалось 100 рублей на бумагу, чернила, свечи и «прочие канцелярские расходы». Обо всем происходившем в ведомстве он обязывался «иметь журнал или поденную обстоятельную записку», а о делах рапортовать по «форме» в Сенат «по третям года». Для избежания «жалоб» на местах предписали иметь комиссаров, «добрых и совестных людей из тамошних помещиков», следствие, «розыски и пытки чинить в купе с» ними. По делам «купецких» людей требовалось участие представителей магистратов. В местах, где разбойников не было, чтобы жителям «тягости не произошло», сыщику повелели «не мешкать», но взять «реверс» за подписью властей, что у них нет воров, разбойников, беглых драгун, солдат, матросов и рекрут. А сыщики, пребывая на их территории, поступали по «инструкции, обид и разорения» не чинили. Сыщик и команда обязывались поступать по законам, «инструкции» и «честной совести», до «своевольств не допускать», «обывателям обид и налог и никаких приметов и притеснений» не делать, за исполнением следил главный сыщик под угрозой «неотменного» штрафа, а с нарушителями предписания приказали «поступать по указам без упущения». О дополнительных мерах сыщик обязывался «представлять» в Сенат, по его делам требовалось «скорейшее исполнение», в противном случае он мог «на воевод писать» к их губернаторам, а подчиненные сыщики на провинциальных и городских воевод – ему. Если же губернаторы «исполнение чинить не будут», главный сыщик обязывался сообщать в Сенат³¹.

На местах катастрофически не хватало средств для борьбы с разбоями. Так, в 1756 г. Алатырская канцелярия сообщала Сенатской конторе, что на Суре «многолюдственные разбойнические партии» разбивали суда и «многия смертныя убивства и грабительства чинили». Канцелярия сетовала, что при ней в подушном окладе было 96 человек, «а годнаго ружья ни одного, и пороху и свинцу, шпаг и амуничных вещей ничего» не было. А в марте разбойники взяли «казны 949 рублей 57 копеек». Поступали прошения, перечислявшие «разбои, пожечи, и смертныя убивства». Поиск же осуществлялся «с одними копыи и рогатины, и у кого какое оружие сыскаться могло». Учреждения города и тюрьма находились недалеко от реки. В канцелярии же «при подушном сборе» бывали значительные суммы, без оружия сохранить их было невозможно, а воровские «партии» появлялись часто. Просили определить указом «до 100 ружей с порохом, свинцом и аммуничными вещами», без чего поимка воров была невозможна. Сенат приказал в Алатырь

³¹ ПСЗ I. Т. XIII. № 10650.

и другие города выделить оружие «из старого отборного» из Главного комиссариата, порох и свинец дать «из Артиллерии без излишества». Со злодеями же поступать «по указам без упущения», что сыщикам «подтвердить указами»³². Елизавета Петровна в 1757 г. повелела «подлежащих к натуральной смертной казни» колодниц отсылать в Нерчинск. В отличие от мужчин, их освободили от «вырывания ноздрей» и клеймения на лице, а перед отправкой чинили «одно жестокое кнутом» наказание³³.

В 1759 г. «во многих провинциях», особенно в Московской и Новгородской, вновь произошли «великие разбои» и «ужасные грабительства, разорения и мучительства» проезжавшим и местным обывателям. Императрица приказала отправить воинские команды, чтобы «злодеи переловлены и искоренены были», и «вредительное и общенародное зло» пресечено; найти пристанища и выяснить, не входят ли в разбойничьи сообщества приказчики, старосты, управители. Выявленных повелели «брать в рекруты», вместо негодных к службе следовало брать детей или «ближних» родственников. Если среди преступников были «помещики и духовного чина люди», с ними поступали по указам и инструкции сыщикам. Об этих мерах, для всеобщего «известия», повелели «публиковать печатными указами»³⁴. Заботясь о чистоте чиновничьих рядов, в марте 1761 г. Сенат указал на необходимость при вступлении в должность с воевод «и прочих штатских чинов» «брать сказки», о небытии «под следствием», «кроме обыкновенных тяжб и дел». В противном же случае следовало докладывать об этом до определения в должность³⁵.

Несмотря на меры властей, преступников не останавливала угроза суровых наказаний. При всей их строгости, усилении мер противодействия и сыска, с привлечением местного населения, но при отсутствии необходимых средств коммуникации, у нарушителей закона, видимо, оставалась надежда укрыться и избежать наказания. Именно при Елизавете Петровне появился указ, определивший наказание за кражу ребенка, преступления редкого для своего времени и потому требовавшего законодательной регламентации. Закон говорил и о моральном облике сыщиков, как представителей власти, о легитимности проведения процедуры следствия. Елизаветинское законодательство постоянно подчеркивало заботу о подданных, страдавших от «злодеев». Указы требовали не чинить

³² ПСЗ I. Т. XIV. № 10612.

³³ Там же. № 10686.

³⁴ Там же. Т. XV. № 11001.

³⁵ Там же. № 11223.

«тяжести местным жителям», заботиться, «дабы безвинные не были приведены ко истязанию», «невинные осуждены», «никто напрасно» не подвергся оскорбительному наказанию и пр. Давались послабления семьям преступников, которые могли жить в своих деревнях и получали некоторую часть имущества мужей, а женщины, вступившие в новый брак, свободу. В качестве своеобразного облегчения участи женщин-колодниц их при отправке в ссылку освободили от вырывания ноздрей и клеймения на лице, а только наказывали кнутом. Однако материальное обеспечение осужденных, несмотря на инфляцию, оставалось таким же мизерным, как при Петре I, что было закреплено законом.

Указы являются уникальным источником правовой культуры своего времени, свидетельствуют о попытках государственной власти создать систему безопасности с привлечением местной администрации, сыскных команд, войск, полиции, населения. На местные власти, помещиков, старост, приказчиков возлагалась ответственность за промедление в поимке и искоренении воров и разбойников. Тексты указов свидетельствовали, что к разбойникам присоединялись представители разных слоев населения, включая помещиков, лиц духовного звания, военных. В них же есть информация, свидетельствующая о бездействии губернаторов и воевод, привлечении осведомителей, «обещать», а главное – «давать» им награду за помощь расследованию и пр. Подробное перечисление возможных нарушений со стороны сыщиков свидетельствует об их «типичности». Так, в указах неоднократно предписывалось не чинить «примет» и «никаких обид», избегать «своевольств», не затягивать следствие «для своих прихотей», не отъезжать в свои деревни. Устанавливался и порядок взаимоотношений следователей из центра с местными властями. Так, например, команды в уездах должны были им помогать «без всякого отрицания и продолжения [затягивания дела. – И. Ч.]». Во избежание недоразумений «розыски и пытки» следовало вести с местными представителями, а от властей территорий, где не было разбойников, брать «реверс» об их отсутствии и свидетельство, что во время пребывания в их местности сыскные команды действовали по инструкции и не чинили «обид и разорения». Постоянно упоминалась и необходимость сбережения государственных средств («без излишеств») и осуществление всех мероприятий без нарушения функционирования государственных учреждений, торговли, работы водного и гужевого транспорта. Законы доводились до сведения подданных через главные каналы коммуникации того времени: церковный амвон «в воскресные и праздничные дни»; объявлялись «во всенародное известие» в торговые дни на ярмарках. Однако исполнительская

дисциплина была крайне низкой, беспорядки продолжались. Ни детальная программа борьбы с ворами и разбойниками, ни тщательно разработанные инструкции, ни попытки выявления причин неэффективности прежних «сыскных команд» не позволили государственной власти в правление Елизаветы Петровны добиться существенных результатов по «наведению порядка» в стране, о чем свидетельствует повторяемость указов и констатация в них новых нарушений.

Источники

Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. V–XIV. Санкт-Петербург: печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

Литература

- Анисимов 2004 – *Анисимов Е.В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб.: Норинт, 2004. 464 с.
- Анисимов 2019 – *Анисимов Е.В.* Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.
- Марасинова 2014 – *Марасинова Е.Н.* Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // *Российская история*. 2014. № 4. С. 53–69.
- Марасинова 2019 – *Марасинова Е.Н.* «Потомственный страх» или «народное воспитание»: Феномен моратория на смертную казнь в России середины XVIII века // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 1 (155). С. 132–152.

References

- Anisimov, E.V. (2004) *Russkaya pytka. Politicheskii syisk v Rossii XVIII veka* [Russian torture. Political investigation in Russia in the 18th century], Norint, Saint Petersburg, Russia.
- Anisimov, E.V. (2019) *Derzhava i topor. Tsarskaya vlast', politicheskii syisk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Power and axe. Tsarist power, political investigation and Russian society in the 18th century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Marasinova, E.N. (2014) “The death penalty and political death in Russia in the mid-18th century”, *Rossiiskaya istoriya*, vol. 4, pp. 53-69.

Marasinoва, E.N. (2019) “‘Hereditary fear’ or ‘people’s education’: The phenomenon of a moratorium on the death penalty in Russia in the mid-18th century”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 1 (155), pp. 132-152.

Информация об авторе

Ирина М. Чирскова, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; im-chir@yandex.ru

Information about the author

Irina M. Chirskova, senior lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; im-chir@yandex.ru